

Сулейменова Элеонора Дюсеновна

Казахский национальный университет

им. аль-Фараби, Казахстан

esuleim@gmail.com

Уразаева Куралай Бибиталыевна

Евразийский национальный университет

им. Л. Н. Гумилева, Казахстан

kuralay_uraz@mail.ru

Пушкин и Абай. «Времен связующая нить»

Доклад посвящен изучению глубинных культурных контактов великих мыслителей и художников слова – Пушкина и Абая. Рассмотрены идеалы Просвещения, интерпретация поэтами ценностей религии, миссией и назначением поэзии и поэта. Предмет доклада составили также факты казахстанской пушкинианы, переводы Абая произведений Пушкина.

Ключевые слова: Пушкин, Абай, казахстанская пушкиниана, просветительство, религия, художественный перевод.

Александр Сергеевич Пушкин связан с Казахстаном тысячами нитей, которые прочно соединили две культуры – казахскую и русскую. Одна из таких постоянно крепнущих нитей связана с именем Абая, с формированием внутренней согласованности духовных ценностей и фрагментов обеих культур.

Абай Кунанбаев – выдающийся поэт и философ, гуманист и просветитель, величайший реформатор казахской культуры, основоположник казахской национальной литературы и литературного языка, на основе просвещенного либерального ислама немало сделавший для сближения казахской, русской и европейской культур. Абай превосходно знал чагатайский, арабский, персидский и русский языки, был близко знаком с восточной поэзией и философией Фирдоуси, Низами, Саади, Хафиза, Навои, Физули. Они расширили круг его эстетических и художественных представлений и определили многое в его дальнейшей творческой деятельности. Абай переводил не только Пушкина, но и Лермонтова, Крылова, Толстого, в русских переводах читал и затем переводил Гете, Байрона, Сократа, Аристотеля, Платона...

Первая нить, во многом определившая карту контактов культур Востока и Запада: биографическая, она связана с одной из творческих страниц жизни А. С. Пушкина, с его таинственной поездкой в Великую степь, в казахское Приуралье. Считается, что Пушкин получил высочайшее разрешение работать с секретными

материалами местных архивов, но провел в Уральске всего три дня, оставивших после себя много неразгаданных загадок, легенд, мифов...

Пушкин стремился получить точное представление о месте и обстоятельствах пугачевских событий: работал с архивами, осматривал мятежную столицу Берды, крепость и пути к ней, составлял топологию и карту трагедии, встречался со стариками – очевидцами событий, стремился представить живые образы бунтаря и его сподвижников. В предисловии к «Истории Пугачева» А. С. Пушкин напишет: «Сей исторический отрывок составлял часть труда, мною оставленного. В нем собрано все, что было обнаружено правительством касательно Пугачева... Также имел я случай пользоваться некоторыми рукописями, преданиями и свидетельством живых»ⁱ.

История Белогорской крепости, овеянная очарованием сказки об Орле и Вороне, живые предания о восстании под предводительством мятежного Пугачева стали для Пушкина не только источником яркого и достоверного художественного колорита «Капитанской дочки», но и глубоких тревожных размышлений об исторической судьбе народа. Восхищенный поэзией казахского романтического эпоса о Козы-Корпеше и Баян-сулу, Пушкин сохранил в своем архиве бесценный для казахской культуры письменный вариант этой поэмы.

Уральская поездка, как казахский след в биографии и литературной судьбе Пушкина, по-особому знаменательна, она немало способствовала его духовному и творческому подъему. Недаром, возвращаясь в Петербург, он писал Наталье Пушкиной: «Я и в коляске сочиняю»ⁱⁱ. Пушкин был на пути к вершине своего литературного творчества и ярчайшей странице золотого века русской литературы.

Другая крепкая нить, соединяющая Пушкина с казахской культурой, – духовная и философско-религиозная. Восток в мировоззренческом и художественном сознании привел Пушкина к русскому ориентализму. Пушкин писал о «святых заповедях Корана»: «Многие нравственные истины изложены в Коране сильным и поэтическим образом»ⁱⁱⁱ. Пушкин признавался: «Слог восточный был для меня образцом, сколько возможно нам, благоразумным, холодным европейцам. <...> Европейец и в упоении восточной роскоши должен сохранить вкус и взор европейца. Вот почему Байрон так прелестен в «Гяуре» и в «Абидосской невесте».^{iv} ‘Апостол Мухаммада’, как называли Пушкина друзья, в своих произведениях охватил положения 33 сур Корана из имеющихся 114^v. Возможно, что «именно знакомство с исламом побудило Пушкина обратить серьезное внимание на место православия в сознании русского человека. В

каком-то смысле Коран заставил нашего поэта всерьез задуматься над православными заповедями»^{vi}.

Цикл произведений Пушкина «Подражания Корану», «Бахчисарайский фонтан», «Пророк» как особый пласт его творчества откликнулся у духовно и художественно зрелого Абая «Словами назиданиями», философской лирикой о жизни и смерти, душе и духовных исканиях. Абай пишет: «Веруй в бога, надейся на свои умения и силы...», «Кто небрежен, не соблюдает себя в строгости, не умеет сострадать, того нельзя считать верующим – без бережливости и внимания не удержать в душе *иман* – веру», «...Разве Аллах сказал, что ему достаточно быть лучше такого-то?»^{vii} – и в одном из стихотворений размышляет: «Легко ‘Аллах’ произнести, но бога чтить не на словах, ты в сердце веру обрети, а все иное – только прах» и, наконец, «Человек, изучавший культуру и язык иного народа, становится с ним равноправным...»^{viii}. «В вопросе религии образ мыслей Абая был предельно своеобразен и независим для своей эпохи и среды»^{ix}, ислам оставался в художественно-философском сознании казахского поэта в границах просветительства.

«Гаклии» – «Қара сөздер» объединили 45 великолепных назиданий-максим афористической и предельно честной исповеди-покаяния мыслителя. «Слова назидания» широчайшей тематики, охватывающие острые вопросы духовного развития казахского общества, стали ярчайшим образцом реализма в тюркской литературе и нового для казахской литературы жанра эссе. Органичное и своеобразное переплетение проповеди и исповеди обеспечило «Словам назидания» уверенное вхождение в мировое культурное пространство^x. Религиозная стихия «Слов назидания» предстала у Абая в виде этических установок и трактуется как рационалистическая философия Просвещения в триаде Воли, Разума и Сердца и, что особенно интересно, предвосхитив новый стиль романтизма в казахской литературе.

Мухтар Ауэзов высоко ценил «Слова назидания»: «Трудно назвать жанр, к которому можно было бы отнести их. Здесь и философско-моралистические, и общественно-публицистические, и изобличительно-сатирические высказывания поэта. Нося в целом характер то мирной, то иронически-желчной, то глубоко грустной, даже удрученной беседы со своим читателем, эти «Қара сөздер» прежде всего отличаются исключительно тщательной стилистической отделанностью», «Абай часто становится гневным судьей или печальником народа, и в таких случаях его «слова» превращаются в скорбную исповедь человека, обреченного на одиночество».^{xi}

Абаю были близки милосердие и сострадание, принявшие в пушкинском творчестве характер заповеди: «Люби сирот и мой Коран дрожащей твари проповедуй». Темы лирики Пушкина, просто и лаконично передаваемая глубина чувств, новые для казахской поэзии стихотворные формы, – все привлекало Абая: «...Он читал теперь пушкинские стихи не глазами читателя, а сердцем поэта».^{xii}

Символична также еще одна отчетливая и бесспорная нить, связывающая творчество двух великих поэтов – это поиск Правды и служение ей. Поиск Правды как основы религии объединил поэтов, воплотивших в творчестве историческую и культурную судьбы народов. В «Подражаниях Корану» Пушкин писал: «Мужайся ж, презирай обман, стезёю правды бодро следуй».

«Ваша поэзия, – сказал однажды Мериме, известный французский писатель и поклонник Пушкина, – ищет прежде всего правды, а красота потом является сама собой».^{xiii} Почти через два века наш современник Г. Бельгер обобщит: «В великих людях есть некий общий фермент духовности. Он выражается в единстве, в родственности духа, в страстном, целеустремленном порыве к Истине, к Красоте, к Жизни. Таковы Пушкин и Абай».^{xiv}

Слова Абая «не для забавы я слагаю стих, не выдумками наполняю стих. Для чутких слухом, сердцем и душой, для молодых я свой рождаю стих»^{xv} стали главным лейтмотивом казахстанской пушкинианы. Джамбул воспел поэта в бессмертных творениях «Пушкину» и «Песня о Пушкине». Стихотворением «Пушкин» начался трудный путь признания П. Васильева. Находки Н. Раевского в замке Бродяны, создание в Алматы книг о Пушкине «Если заговорят портреты», «Портреты заговорили»^{xvi}, изданных миллионными тиражами, стали удивительным опытом выживания в лагере и формирования творческой судьбы исследователя. Научная, философская, критическая, художественная, переводческая литература о Пушкине в Казахстане обогатилась книгами К. Кешина – «Пушкинская тетрадь»^{xvii}, В. Гундарева – «Метель на Пушкинской площади»^{xviii}, К. Гайворонского – «Поговори мне о себе»^{xix}, Е. Гусларова – «Суеверный Пушкин».^{xx} Ценнейшей частью казахстанской пушкинианы стали работы репрессированной казахстанской интеллигенции – А. Байтурсынова, А. Бокейханова, М. Жумабаева, которого В. Брюсов называл казахским Пушкиным, И. Джансугурова, М. Дулатова, Ж. Аймауытова и др., а также многочисленные переводы А. Найманбаева, К. Шангытбаева, Т. Жарокова, А. Тажибаева, А. Оразакына. Ж. Молдагалиев и О. Сулейменов, определяя свое поэтическое кредо, вписали ярчайшие

страницы в казахстанскую Пушкиниану. Творчество Пушкина стало предметом научных и критических изысканий многих казахстанских ученых: В. Бадикова, Г. Камбарбаевой^{xxi}, С. Каскабасова^{xxii}, О. Видовой, Г. Лукпановой, Т. Чаплышкиной, В. Мищенко, Л. Сафроновой, З. Поляк, Р. Нуртазиной^{xxiii}, С. Мансуровой^{xxiv} и многих других. Обобщением истории казахстанской Пушкинианы стала книга С. Ананьевой^{xxv}.

Наконец, центральное и обширное поле глубокого и органичного созвучия душ и мыслей двух поэтов, создаваемое многими связующими и многократно пересекающимися неразрывными нитями, – это переводы Абая Пушкина. Летом 1886 года началась осознанная переводческая деятельность Абая, и Пушкин, Лермонтов и Крылов заговорили на казахском языке.

Власть переводов Абая над эстетическими вкусами казахов удивительна и помогает понять волшебство и поэзии Пушкина, и магию зазвучавшего по-новому казахского поэтического слова. Совершенство переводов Абая создавалось органическим слиянием поэтической формы, искренности и глубокого содержания. Феномен духовного сближения двух выдающихся поэтов, уникальная гармония их поэзии были не случайными. Пушкин и Абай «друг другу чужды по судьбе, они родня по вдохновенью».^{xxvi}

Комментируя особенности вольного перевода Абая отрывков из «Евгения Онегина», М. Ауэзов называл его «не переводчиком, а вольным толкователем»^{xxvii}. Действительно, «энциклопедия русской жизни» предстала у Абая в виде эпистолярного романа, а письма Татьяны «Амал жоқ, қайттым білдірмей...», «Тәңірі қосқан жар едің...», положенные Абаям на музыку, молниеносно разлетелись по степи, и нет, пожалуй, казаха ни в те далекие годы, ни сейчас, кто бы ни знал и ни пел их.

Pushkin and Abai. «The time of the connecting thread»

Suleimenova Eleonora Dyusenovna
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan
esuleim@gmail.com
Urzaeva Kuralai Bibitaliyevna
L.N.Gumilyov Eurasian National University
kuralay_uraz@mail.ru

The report is devoted to study of cultural contacts of works of two great poets-philosophers – Pushkin and Abai. It was considered the unity of themes connected with Enlightenment ideals, the poets' interpretation of the values of religion, including the Koran, a mission and purpose of poetry. The subject of the report was also made by the facts of the Kazakhstan pushkiniana, the translations by Abay and the Kazakh poets of Pushkin's work. It was revealed the influence of Pushkin on the formation of the Kazakh national literature.

Keywords: Pushkin, Abay, Kazakhstan pushkiniana, Enlightenment, religion, literary translation.

Примечания

- ⁱ Пушкин А. С. История Пугачева. Предисловие // Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. Том VII, с. 5.
- ⁱⁱ Письмо Н. Н. Пушкиной. 19 сентября 1983 года // Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. Том X, с. 100.
- ⁱⁱⁱ Пушкин А. С. Подражания Корану. Примечания // Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. Том II, с. 18.
- ^{iv} Пушкин А. С. Письмо П. А. Вяземскому, 1825 // Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. Том IX, с. 174.
- ^v Абдрахманов С. Коран и Пушкин. Астана: из-во Елорда, 2006. С. 25.
- ^{vi} Казарин В. П. Крым и формирование религиозного сознания Пушкина. Цит. по Кашталеву К. С. «Подражания Корану» Пушкина и их первоисточник. Крюково: Записки Коллегии Востоковедов, 1992. 244 с.
- ^{vii} Абай (Ибраһим Құнанбаев). Қара сөздер // Том II. Алматы: Жазушы, 1986. С. 95-194.
- ^{viii} Кунанбаев А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Москва: изд-во ГИХЛ, 1954. 416 с.
- ^{ix} Ауэзов М.О. Абай Кунанбаев. Статьи и исследования. Под ред. И. Т. Дуйсенбаева. Алма-Ата: изд-во Ғылым, 1967. 391 с.
- ^x Гачев Г. Национальные образы мира. Москва: Изд-во Академический Проект. 2007. 512 с.
- ^{xi} Ауэзов М. Абай Кунанбаев. Институт Абая. <http://abai-inst.kz/rus/?p=30>
- ^{xii} Ауэзов М. Путь Абая. // Мұхтар Әуезов. Жиырма томдық шығармалар жинағы. I том. Алматы: изд-во Жазушы, 1983. С. 23.
- ^{xiii} Тургенев И. С. Речь по поводу открытия памятника А. С. Пушкину в Москве. // Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. Том X, с. 248.
- ^{xiv} Бельгер Г. Исполнины духа. Гете – Пушкин – Абай // Альманах «Литературная Алма-Ата». 2006, № 3, с. 23.
- ^{xv} Кунанбаев А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Москва: изд-во ГИХЛ, 1954. С. 116.
- ^{xvi} Раевский Н. А. Портреты заговорили. Алма-Ата: изд-во Жазушы, 1976. 430 с.
- ^{xvii} Кешин К. Пушкинская тетрадь. Алматы: изд-во Искандер, 2006. 58 с.
- ^{xviii} Гундарев В. Метель на Пушкинской площади // Исповедь сердца. Избранное. Астана: изд-во Аударма, 2004. С. 28.
- ^{xix} Гайворонский К. Поговори мне о себе. Алматы: изд-во Ғылым, 1998. 312 с.
- ^{xx} Гуслиаров Е. Суеверный Пушкин. Алматы: изд-во Жалын, 1994. 336 с.
- ^{xxi} Камбарбаева Г. М. Вступительная статья. Абай. Москва-Ленинград, 1966. С. 5-44.
- ^{xxii} Каскабасов С. Абай и Пушкин – поэты ренессансного типа. <http://abai-inst.kz/rus/?p=684>
- ^{xxiii} Нуртазина Р., Кошенова Р.Н. Армысың, Пушкин! Здравствуй, Пушкин! Учебно-методическое пособие. Алматы: изд-во Жібек жолы, 1999. 240 с.
- ^{xxiv} Мансурова С. Рожденные для вдохновения // Абая. Пушкин. Москва: изд-во Русский раритет, 2006. С.7-18.
- ^{xxv} Ананьева С. В. Казахская пушкиниана. Последняя четверть XX века – первое десятилетие XXI. Алматы: изд-во Жібек жолы, 2009. 292 с.
- ^{xxvi} Пушкин А. С. К Языкову. Издревле сладостный союз. // Пушкин А. С. Собрание сочинений в десяти томах. Том II, с. 5.
- ^{xxvii} Мұхтар Әуезов. Жиырма томдық шығармалар жинағы. XIV том. Алматы: изд-во Жазушы, 1983. 376 б.